

МЕДИА-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ: ДОМИНИРУЮЩИЕ КОДЫ ПРОЧТЕНИЯ ТРАВМАТИЧНЫХ СОБЫТИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Зубанова Людмила Борисовна,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и социологии,
доктор культурологии, профессор,
Челябинск, Россия,
ORCID: 0000-0001-6081-5568,
E-mail: milazubanova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.05.2020, принята к публикации 06.10.2020

Для цитирования: Зубанова Л.Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10402

Аннотация

В статье рассматривается актуальный исследовательский дискурс осмысления прошлого – медиатизация памяти, и, в частности, виртуальный тегоу-нарратив. Цифровая память анализируется на пересечении двух основных потоков: стихийной памяти (отраженной в пользовательском контенте) и регулируемой мобилизации воспоминаний (целенаправленные стратегии создания и трансляции оформленного образа прошлого).

Цель статьи – проанализировать особенности восприятия травматичных событий в истории России, воплощенных в медиапроектах популярных российских интернет-журналистов и блогеров. Базой исследования выступили три интернет-проекта, посвященные истории сталинских репрессий (фильм блогера Юрия Дудя «Колыма – родина нашего страха»), событиям Великой Отечественной Войны (фильм

* Статья выполнена в рамках проекта № 18-011-00658 Российского фонда фундаментальных исследований.

© Зубанова Л.Б., 2020

журналиста Алексея Пивоварова «Ржев – русская долина смерти») и военной операции Советского Союза в Афганистане (фильм журналиста Катерины Гордеевой «Афган. Человек (не) вернулся с войны»). Анализ восприятия медиапроектов аудиторией основан на методах и процедурах количественно-качественной интерпретации комментариев пользователей на YouTube-каналах «вДудь», «Редакция» и «ещенепознер».

На первом этапе исследования выделены количественные показатели внимания аудитории к трем фильмам: количество просмотров, общее количество комментариев, количество положительных и отрицательных реакций пользователей.

Второй этап анализа связан с содержательной локализацией внимания аудитории в отношении транслируемого медиа-контента – выявлением смысловых фрагментов внутри фильмов, на которые в большей мере концентрируется внимание интернет-пользователей. На основе выборочной оценки 1000 комментариев по каждому фильму, выделены тего-нарративы, отражающие ключевой посыл сообщения: актуализация памяти, искажение памяти, дань памяти, память жертв, негативная память, носители памяти, автобиографическая память, обновленная память.

По результатам распределения выделенных тего-нарративов делаются выводы о коммуникативной памяти аудитории как коллективного актора, для которого характерным становится транзитное состояние сознания: актуализация и противоречивость прочтения событий прошлого.

Ключевые слова:

медиазация памяти, цифровая память, интернет-проекты, пользовательский контент, тего-нарративы, образ прошлого.

UDC 304.444

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10402

MEDIA REPRESENTATIONS OF MEMORY: CODES FOR READING TRAUMATIC EVENTS IN THE INTERNET

Lyudmila B. Zubanova,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Department of Cultural Studies and Sociology,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Chelyabinsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6081-5568,
E-mail: milazubanova@gmail.com

Article received on May 7, 2020, accepted on October 6, 2020

To cite this article: Zubanova, L.B. (2020). Media-representatsii pamyati: dominiruyuschie kody i prochteniya travmatichnyih sobyitii v internet-prostranstve [Media Representations of memory: Codes for Reading Traumatic Events in the Internet]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10402

Abstract

The article discusses the discourse research of understanding the past the mediatization of memory and, in particular, the virtual memory-narrative. Digital memory is analyzed at the intersection of two main streams: natural memory (reflected in user content) and regulated mobilization of memories (targeted strategies for creating and broadcasting a decorated image of the past). The purpose of the article is to analyze the features of the traumatic events perception in the history of Russia, embodied in the media projects of popular Russian online journalists and bloggers. The study was based on three Internet projects devoted to the history of Stalinist's repressions (the film of blogger Yuri Dood «Kolyma is the birthplace of our fear»), to the events of the Eastern front (the film of journalist Alexei Pivovarov «Rzhev is the Russian Valley of Death») and to the military operation of Soviet Union in Afghanistan (the film by the journalist Katerina Gordeeva «Afghan. Man (not) returned from the war»).

The audience perception analysis of media projects is based on methods and procedures of “quantitatively and qualitatively” interpreting user comments on the YouTube channels “vDood”, “Redaktsia” and “eschenepozner”. At the first stage of the study, quantitative indicators of audience attention to three films were identified: the number of views, the total number of comments, the number of positive and negative reactions of users.

The second stage of the analysis is related to the meaningful localization of the audience's attention in relation to the broadcast media content - the identification of semantic fragments inside the films, which are more focused on the attention of Internet users. Based on a selective assessment of 1000 comments for each film, memory narratives that reflect the key message are selected: memory actualization, memory distortion, memory tribute, victims' memory, negative memory, memory carriers, autobiographical memory.

Based on the results of the distribution of allocated memory-narratives, conclusions about the communicative memory are drawn from the audience working as a collective actor, for which the transitory state of consciousness becomes it's characteristics: actualization and inconsistency in reading past events.

Keywords:

memory mediation, digital memory, Internet projects, user-generated content, memory-narratives, the image of the past.

Введение

Дискурс памяти, воплощенный в многообразии вариаций «past-проблематики», на сегодняшний день предстает востребованным полем

научно-исследовательской рефлексии (институционализация *memory-studies*), мейнстрим-потока (театральные, кино- и песенные ремейки и ремиксы), официальных и неформальных практик коммеморации («Бессмертный полк», «Последний адрес», «Георгиевская лента» и другие). О возрастающем интересе к прошлому свидетельствуют результаты регулярных социологических замеров, проводимых в различных городах и регионах России (Покида, Зыбуновская, 2016; Сикевич, 2017; Сомов, 2015); в центре внимания исследователей все чаще оказываются противоречивые аспекты политики памяти в отношении переломных исторических событий: Октябрьской революции (Аргунова, Тимофеева, 2018; Русакова, Кочнева, 2017), Великой Отечественной войны (Русакова, Русаков, 2017; Bernstein, 2016) и других.

Наряду с общим вниманием к изучению прошлого в современном *memory-дискурсе* заметна тенденция выхода на обновленный этап существования «постпамяти» (Hirsch, 2012) – альтернативные модели осмысления прошлого в медиа-проекции.

В трактовке А. Ассман современная мемориальная культура актуализирует виртуальный *memory-нарратив*, осуществляя перелокализацию пространства памяти в цифровую реальность, социальные сети, дигитальные архивы (Ассман, 2016, с. 72).

Осуществленный нами обзорный анализ публикаций международного рецензируемого журнала «*Memory Studies*» последних лет (с 2015 по 2019 годы) подтверждает актуальность обозначенного «цифрового тренда» в современных исследовательских поисках. В сплошной выборке материалов за пять лет (191 статья) в числе трех лидирующих концептов фигурирует «*медиазация памяти*» – 29 тематических материалов. Причем преобладающей формой медиазации становится именно цифровая память. Здесь возможно использование концепта *киберпамять*, который польская исследовательница К. Штоп-Рутковска (2015) определяла как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» (с. 132–133). Цифровая память или «новый живой архив цифрового века» (Hoskins, 2009) существует на пересечении двух основных потоков: стихийной цифровой памяти и регулируемой *web-мобилизации* воспоминаний.

Стихийная цифровая память – репрезентация событий прошлого в пользовательском контенте. Указание на стихийность в данном случае предполагает отсутствие константных образов и вариантов истолкования, отражает спонтанную неупорядоченность «обратной связи», разброс мнений пользователей, наделяющих то или иное событие прошлого субъективно-памятными смыслами. Примером изучения такой стихийной памяти в онлайн-пространстве можно назвать исследование коллективных воспоминаний о Великом голоде в Китае (Gustafsson, 2019) как альтернативных (официально транслируемым) моделей репрезентации события в комментариях и оценках аудитории: так, в качестве примера сопоставления официального и неформального контента фигурирует само использование номинации «Великий голод», распространяемое лишь в свободной дискуссии пользователей (в контролируемых онлайн-энциклопедиях данный период определяется как «годы экономических трудностей»).

Регулируемая web-мобилизация воспоминаний – формат контролируемого контента, выраженный как в официальной политике «администрирования памяти» (Da Silva Catela, 2015, p. 12), так и в целенаправленных стратегиях создания и трансляции оформленного в авторском видении образа памятных исторических событий. Подчеркнем, что администрирование этого образа не обязательно связывается с идеологическим заказом или пропагандистскими эффектами. Противопоставление стихийного и регулируемого контента видится в наличествующей модерации памяти. Удачной в данном случае представляется метафорическая иллюстрация «горячих» спорадических дискуссий пользователей YouTube и сбалансированного «холодного» опыта работы с памятью, воплощенного в материалах Wikipedia: «Образно говоря, YouTube напоминает ирландский паб, где каждый может спорить почти обо всем и в любой форме относительно исторических противоречий. Википедия же напоминает кофейню, где заданы четкие и рациональные принципы, определяющие дискуссию» (Karāns, 2016, p. 169).

Разумеется, подобное разграничение носит именно условный характер: в реальной практике регулируемая мобилизация воспоминаний почти всегда соединяется со стихийной цифровой памятью как «обратной связью» на сообщение – комментариями и дискуссиями пользователей вокруг транслируемого медиапродукта. Особую остроту эти дискуссии принимают при обращении к тем историческим этапам и событиям, которые устойчиво ассоциируются в сознании с концептом травмы. В данной статье мы обратимся к особенностям восприятия травматичных событий в истории России, воплощенных в медиапроектах популярных российских интернет-журналистов и блогеров.

Результаты исследования

Базой исследования выступили три интернет-проекта, посвященные трагическим страницам российской истории: истории сталинских репрессий (фильм «Колыма – родина нашего страха»), событиям Великой Отечественной войны (фильм «Ржев – русская долина смерти») и военной операции Советского Союза в Афганистане (фильм «Афган. Человек (не) вернулся с войны»).

Документальный проект «Колыма – родина нашего страха» был размещен на канале журналиста и блогера Юрия Дудя «вДудь» 23 апреля 2019 года и вошел в топ лидирующих просмотров шоу, набрав за три дня 7 миллионов просмотров (на сегодняшний день – более 20 млн.)¹.

Размещение видео сопровождалось авторским комментарием блогера: *«Не знаю, как у вас, но всю свою жизнь я слышу от родителей: ну будь осторожен, ну не привлекай к себе лишнее внимание, не высовывайся – это очень опасно; и вообще мы простые люди – от нас ничего не зависит. Мои родители – прекрасные люди, я безумно их люблю. Но они говорят все это десятилетиями – даже в тех ситуациях, где очевидно нарушается здравый смысл, где творится несправедливость и где мы точно правы. Я всегда думал: откуда у старшего поколения этот страх, это стремление мазать все серой краской? Почему они боятся, что даже за минимальную смелость обязательно прилетит наказание?»*

¹ Здесь и далее приводятся цифры и показатели, актуальные для момента подготовки материала – апрель 2020 года.

Моя гипотеза: этот страх зародился еще в прошлом веке и через поколения добрался до нас. Одно из мест, где этот страх появлялся, – Кольма».

Документальный проект «Ржев – русская долина смерти» был размещен 13 мая 2019 года на YouTube-канале журналиста Алексея Пивоварова «Редакция». Фильм о кровопролитной битве времен Великой Отечественной войны был подготовлен Алексеем Пивоваровым совместно с актером Алексеем Серебряковым, содержательный тег материала: «Серебряков и Пивоваров в местах ржевской мясорубки и музее Сталина».

Документальный проект «Афган. Человек (не) вернулся с войны» был создан журналисткой Катериной Гордеевой, и 23 января 2020 года появился на YouTube-канале «ещенепознер»: беседы с интересными героями». Авторский комментарий журналистки, сопровождающий размещенный фильм: «Я много думала о том, как и почему в мирное время люди идут на войну и почему часто не могут с неё до конца вернуться. Таких – вернувшихся, но не до конца, – мужчин вокруг нас, у нас в стране очень много. Гораздо больше, чем можно себе представить. Кажется, это началось с Афгана. Афганская война – наша первая большая, с повестками и похоронками, после Великой Отечественной. Она длилась почти десять лет, с 1979 по 1989, через неё прошли 600 тысяч молодых советских парней. 15051 погибли, больше 10000 стали инвалидами. Вернувшись с войны, они застали изменившуюся страну и попробовали в ней жить, борясь за льготы и привилегии, за право кем-то быть. Просто быть. За это право им опять приходилось воевать: в бандитской группировке или на новой войне – таких с 1989 по сегодняшний день много: Кавказ, Чечня, Сирия, Донбасс... И там снова воюют парни, выдернутые из мирной жизни. И снова возвращаются. И снова не умеют подстроиться под жизнь без войны. Это фильм о людях. Каждого героя своего я полюбила и попыталась понять».

Как можно убедиться, идеологический посыл авторов фильмов, несмотря на исторический контекст повествования, напрямую связан с современностью, манифестируемым стремлением объяснить особенности дня сегодняшнего, исходя из контекста прошедших событий. Не вдаваясь в анализ авторской интерпретации драматичных этапов истории (аспект, в большей мере связанный с субъективной позицией журналистов), мы сосредоточим внимание на эффектах восприятия транслируемого медиаобраза прошлого в сознании воспринимающей аудитории. Другими словами – на стихийной цифровой памяти, отраженной в комментариях интернет-пользователей, репрезентирующих, на наш взгляд, не только спонтанную реакцию на увиденное, но и особенности коммуникативной памяти аудитории (Assman, 2008) как коллективного актора.

Актуальные коды прочтения информационного сообщения традиционно исследуются в соответствии с методологией Стюарта Холла (1992), разделяющего «работу аудитории внутри доминирующего кода» на три основных позиции: 1) предпочтительное прочтение: позиция одобрения, принятия смысловой основы сообщения; 2) договорное прочтение: адаптация собственного взгляда под доминирующий код, хотя и с позиций согласованности в контексте конкретной ситуации; 3) оппозиционное прочтение: неприятие доминирующего в сообщении смыслового кода (р. 132).

В дальнейшем К. Шредер (2000) детализирует методологию Холла и предлагает рассматривать декодирование сообщения не только в контексте идеоло-

гического принятия или непринятия текста аудиторией, но в многоуровневой системе восприятия:

- позиция (position) – как зритель позиционирует себя в отношении транслируемого образа события;
- понимание, погружение (comprehensions) – внутреннее самоопределение: от полного расхождения до полного соответствия смысловых кодов коммуникатора и адресанта;
- мотивация, побуждение (motivation) – апелляция к личному опыту восприятия события;
- критический разбор (discrimination) – оценочное редактирование медиасообщения в соответствии с личным опытом прочтения транслируемых событий;
- реализация (implementation) – закрепление и дальнейшее продвижение собственной позиции в оценке события, послужившего основой для медиа-репрезентации (р. 242–249).

Обращаясь к анализу восприятия рассматриваемых интернет-проектов, мы используем поэтапную структуру оценки, совмещающую количественные и качественные параметры измерения реакций аудитории.

Первый этап – количественный анализ внимания аудитории. Оценка осуществлялась на основе фиксации открытых метрических показателей исследуемых YouTube-каналов (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные показатели внимания аудитории

Документальный проект	Объем внимания аудитории (просмотры)	Активность реакций аудитории		
		Общее количество комментариев	Положительная номинация (лайк)	Отрицательная номинация (дизлайк)
«Кольма – родина нашего страха»	20571501	181002	903000	67000
«Ржев – русская долина смерти»	1554323	16791	82000	5600
«Афган. Человек (не) вернулся с войны»	1248194	3710	25000	928

Объем внимания аудитории к указанным медиапроектам достаточно велик: так, несмотря на неравнозначность показателей просмотра (безусловное лидерство фильма Юрия Дудя), можно говорить о том, что все три выпуска входят в число популярных видео каждого канала:

- проект Катерины Гордеевой – на первой позиции популярности среди всех программ канала «ещенепознер»;
- проект Юрия Дудя – на третьем месте по числу просмотров среди размещенных видео канала «вДудь»;
- проект Пивоварова – на 13 месте по числу просмотров из 86 выпусков канала «Редакция».

Важно подчеркнуть, что ключевая тематическая линия выпусков данных YouTube-каналов ориентирована, преимущественно, на актуальные события современного мейнстрим-потока. Тем не менее, именно медиапроекты, посвященные противоречивым и трагичным событиям прошлого, устойчиво входят в топы просмотров аудитории данных каналов, например: «Беслан. Помни» («вДудь»: 20 млн. просмотров), «Неудобная правда о гибели «Курска» («Редакция»: 3,6 млн. просмотров), «Норд-ост. 17 лет» («ещенепознер»: 1 млн. просмотров).

Активность аудитории, выражаемая в визуальной демонстрации отношения – положительного (функция – «понравилось»/«лайк») или отрицательно («не понравилось»/«дизлайк») – судя по результатам, отраженным в таблице 1, позволяет говорить о принятии предлагаемой трактовки исторических событий пользователями – доминировании предпочтительного прочтения в терминологии С. Холла.

Вероятно, преобладание положительных оценок может объясняться, в том числе, изначально заданной лояльностью аудитории YouTube-каналов к соответствующему медиаконтенту.

В этом смысле можно рассматривать аудиторию как «отобранный» сегмент: имеющий сформированную установку на восприятие, осуществляющий контакт через специализированный и адресный информационный запрос. Тем не менее, действие подобных «фильтров» не исключает наличия негативных реакций зрителей (дизлайки).

Кроме того, принципиальное одобрение каждого документального проекта предстает лишь общим основанием для выстраивания детализированной структуры восприятия, раскрывающего нюансы внутреннего внимания и самоопределения пользователей, отражения личного опыта погружения в исторический контекст, оценочного редактирования медиасообщения под воздействием индивидуального ценностно-смыслового поля аудитории.

Исходя из указанных нюансов, второй этап анализа был направлен на содержательную локализацию внимания пользователей в отношении транслируемого медиаконтента – выявление тех смысловых фрагментов внутри каждого фильма, на которых в большей мере концентрировалось внимание зрителей.

Поскольку данный этап основывался не только на количественной, но и на качественной интерпретации, нами была осуществлена процедура выборочной фиксации комментариев.

Так, внутри общего массива высказываний на рассматриваемых YouTube-каналах были проанализированы по тысяче комментариев, посвященных каждому фильму, которые автоматически (алгоритм фильтрации сообщений) зачислялись в ранг наиболее популярных – по количеству лайков, поставленных данному сообщению пользователями (демонстрация поддержки позиции высказавшегося), и количеству ответов на данный комментарий от других комментирующих зрителей (своеобразный эффект «эха»: внутренняя дискуссия как выражение активной реакции на сообщение).

При обсуждении полученных результатов учитывались следующие нюансы: анализировалась лишь часть из общего числа комментариев (наиболее популярные сообщения); топ популярных комментариев репрезентативен для актуального исследовательского момента и со временем может меняться (отсро-

чено могут появляться новые комментарии, вызывающие большую поддержку пользователей); отнесение того или иного высказывания к мемогу-нарративу носит схематичный характер (оценивался основной посыл сообщения, без детализации содержания).

Внутри сформированной выборки высказывания пользователей были классифицированы по тематическому принципу с последующим выделением мемогу-нарративов, отражающих ключевой посыл сообщения:

- *актуализация памяти*: благодарность журналисту за освещение исторического этапа/события, привлечения внимания к нему;
- *искажение памяти*: упреки журналисту в необъективности, нечутком отношении к историческому прошлому;
- *дань памяти*: оценка рассматриваемых событий как значимого этапа в жизни страны, важного периода исторического самосознания нации;
- *память жертв*: концентрация внимания на понесенных потерях;
- *негативная память*: указания на ошибки, исторические просчеты, поиск виновных в трагическом исходе рассматриваемых событий;
- *носители памяти*: фиксация внимания на персонажах, фигурирующих в фильмах в качестве интервьюируемых;
- *автобиографическая память*: связь рассматриваемых событий с личной историей, историей своей семьи;
- *обновленная память*: выход на оценку современной действительности, где прошлое выступает в качестве стимула в осмыслении настоящего.

В таблице 2 отражено количественное распределение комментариев пользователей в соответствии с выделенными мемогу-нарративами.

Таблица 2 – Ранжирование мемогу-нарративов в комментариях пользователей

Мемогу-нарративы	Количественное распределение комментариев по каждому медиапроекту			Общее количество комментариев
	«Колыма – родина нашего страха»	«Ржев – русская долина смерти»	«Афган. Человек (не) вернулся с войны»	
Актуализация памяти	540	115	119	774
Искажение памяти	18	28	17	63
Дань памяти	-	155	-	155
Память жертв	42	205	314	561
Негативная память	156	98	263	517
Носители памяти	46	128	91	265
Автобиографическая память	12	136	34	182
Обновленная память	186	135	162	483
Итоговый показатель	1000	1000	1000	3000

На основе полученных результатов можно выделять некоторые тенденции, характерные для стихийно функционирующего пользовательского контента.

Прежде всего, образ прошлого оказывается неразрывно связанным с настоящим и оценивается не столько в категориях рефлекслирующего осмысления «минувшего», сколько в своей актуальной проекции. Лидирующие мемогеннарративы (актуализация памяти, обновленная память) отражают «живой» характер этой связи:

– *Это лучший выпуск! Он достоин уважения. Проблемы того как прошлое влияет на наше настоящее всегда насущны. И говорить о них нужно и безумно важно!*

– *А сейчас чем лучше? Сейчас украл булку хлеба – сел на 5 лет, ворует миллиарды и сажает тех, кто ворует хлеб!*

– *И страх по-прежнему передается из поколения в поколение...*

– *Всё повторяется: весь мир – ГУЛАГ, а ты в нем – Солженицын.*

(комментарии пользователей YouTube-канала «вДудь»)

– *Никаких «Мы повторим»!!! Такое на своих иномарках могут писать только имбецилы которые понятия не имеют о том, что происходило во время Великой Отечественной...*

– *Правильно сказано: «Те кто романтизируют войну прошедшую приближают войну будущую».*

(комментарии пользователей YouTube-канала «Редакция»)

– *Да, сыночки, не бережете вы мам своих. Герои выпуска так и остались на войне, к сожалению. Катерине и команде, спасибо вам тысячу раз за поднятую тему. Это так важно сегодня!*

– *Ветеран боевых действий 2950 рублей в месяц. А нашим детям сейчас за кого воевать за чиновников за их миллиарды... пусть их дети воюют!*

(комментарии пользователей YouTube-канала «ещенепознер»)

Актуализация памяти проявлена в соединении коллективного и индивидуального опыта проживания прошлого, что особенно заметно в сюжете, связанном с событиями Великой Отечественной войны. Так, значительное количество комментариев посвящены информации о родственниках, прошедших войну, их биографиях и подвигах. В этом смысле восприятие событий в Афганистане построено, скорее, по принципу противопоставления героического жертвенного подвига Великой Отечественной войны и неоправданности жертв военных операций в последующие этапы российской истории: «...настоящая война за Родину закончилась в 45... всё последующее – это войны за чьи-то карманы... а простые ребята... это всегда пушечное мясо!», «Когда люди поймут что они для правителей всего лишь расходные пешки на шахматной доске? Неужели не ясно было как обращаются с ветеранами на примере «ветеранов-самоваров» после ВОВ? На примере афганцев, после чеченских войн ... а теперь и с Донбасса...» (комментарии пользователей YouTube-канала «ещенепознер»).

Несмотря на отмеченную нами ранее общую лояльность аудитории данных YouTube-каналов, возникающие дискуссии вокруг размещенных сюжетов

и комментариев подтверждают эмоциональность накала в восприятии прошлого. Обостренность реакций чаще всего демонстрируется через рассмотрение прошлого как своеобразного «теста на патриотизм»: «*Ты патриот, вообще?! Одни стереотипы...*», «*Хозяева Дудя по-прежнему боятся Колымы!*», «*Либерота оплакивает Сталинские времена, как это кощунственно с последними данными о рекордной убыли населения в РФ при победившей контре в 91*», «*Пивоваров номинируется на премию Дарвина, «Хотя бы святое – Победу – не трогайте!*». Кроме того, 517 комментариев, связанных с нарративом «негативной памяти», указывает на отсутствие выраженного консенсуса в понимании и принятии прошлого страны.

В целом можно говорить об особом транзитном состоянии сознания, характерном для «ожидającego общества», так и не разрешившего спор с собственной историей.

Заключение

Процессы «оцифровки» языка темпоральности в современной медиа-реальности, синхронизация памяти с жизнью социальных медиа становятся закономерным ответом на виртуализацию и цифровизацию социокультурного пространства. Характерными проявлениями медиа-репрезентации памяти в актуальных форматах восприятия медиапроектов российских блогеров (на примере проведенного исследования) являются:

- явный интерес аудитории к интернет-проектам, направленным на актуализацию событий прошлого;
- высокая степень участия зрителей в обсуждении транслируемого контента (комментарии, дискуссии, внутренняя кооперация и реактивность пользователей);
- выраженная связь в оценке исторических событий с современным этапом развития;
- демонстрируемая альтернативность позиции интернет-аудитории в отношении официальной коммеморативной политики;
- противоречивость мнений в прочтении исторических событий (отсутствие консенсуса), острота и эмоциональность восприятия прошлого.

Согласимся с исследователями в том, что новые медиа не могут рассматриваться лишь технически-опосредованным режимом хранения или архивирования воспоминаний. Они выступают именно «живым» форматом функционирования, отражают максимально суггестивный характер переживания событий прошлого: «При передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образов прошлого» (Русакова, Русаков, 2019, с. 15).

Наиболее важным представляется нам то, что цифровизация памяти задает не просто новую форму хранения воспоминаний, но формирует культуру участия (Jenkins, 2006) аудитории. Эта форма участия, если и не смягчает травмы прошлого, но препятствует политике забвения: «Риск, с которым мы сталкиваемся, заключается в том, что пока открыто ничего не сказано – ничего не будет понято и пережито во всей его сложности» (Da Silva Catela, 2015, p. 19).

Создающиеся интернет-платформы, таким образом, становятся новыми *местами памяти*, на которых прошлое может быть дискурсивно проработано и осмыслено в слиянии личного и коллективного опыта постижения истории.

Список литературы

1. Аргунова, Е. В., Тимофеева, М. А. (2018). Революционные события и вожди Октября 1917 года в восприятии населения. *Социологические исследования*, 4, 145–152. doi: 10.7868/S0132162518040165
2. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. (2016). Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга). *Социологические исследования*, 3, 98–107.
4. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
5. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, 1(17), 34–39.
6. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027
7. Сикевич, З. В. (2016). Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев. *Социологические исследования*, 3, 88–97.
8. Сомов, А. В. (2015). Феномен советскости: историко-культурный аспект. *Социологические исследования*, 2, 12–20.
9. Штоп-Рутковска, К. (2015). Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин. *Социологические исследования*, 4, 130–139.
10. Assmann, J. (2008). Communicative and cultural memory. In A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Cultural Memory Studies*. Berlin: de Gruyter (pp. 109–118).
11. Bernstein, S. (2016). Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin's Russia. *Memory Studies*, 9(4), 422–436. doi: 10.1177/1750698015596015
12. Da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. doi: 10.1177/1750698014552403
13. Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197. doi: 10.1177/1750698017714836
14. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press.
15. Hoskins, A. (2009). Digital network memory. In A. Erll, & A. Rigney (Eds.), *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 91–106). Berlin: De Gruyter.
16. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media*

Collide. New York: University Press.

17. Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172. doi: 10.1177/1750698015587151

18. Schrøder, K.C. (2000). Making sense of audience discourses: towards a multidimensional model of mass media reception. *European Journal of Cultural Studies*, 3(2), 233–258.

References

1. Argunova, E. V., & Timofeeva, M. A. (2018). Revolyutsionnyie sobyitiya i vozhdii Oktyabrya 1917 goda v vospriyatii naseleniya [The revolutionary events and leaders of October 1917 in the perception of the population]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, 145–152. doi: 10.7868/S0132162518040165

2. Assman, A. (2016). *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: New Literary Review.

3. Assmann, J. (2008). Communicative and cultural memory. In A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Cultural Memory Studies*. Berlin: de Gruyter (pp. 109–118).

4. Bernstein, S. (2016). Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin’s Russia. *Memory Studies*, 9(4), 422–436. doi: 10.1177/1750698015596015

5. Da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. doi: 10.1177/1750698014552403

6. Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197. doi: 10.1177/1750698017714836

7. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press.

8. Hoskins, A. (2009). Digital network memory. In A. Erll, & A. Rigney (Eds.), *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 91–106). Berlin: De Gruyter.

9. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: University Press.

10. Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172. doi: 10.1177/1750698015587151

11. Pokida, A. N., & Zybunovskaya, N. V. (2016). Dinamika istoricheskoy pamyati v rossiyskom obschestve (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa) [Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring)]. *Sociological Researches*, 3, 98–107.

12. Rusakova, O. F., & Kochneva, E. D. (2017). Otsenki Oktyabrskoy revolyutsii v ofitsialnom diskurse politiki pamyati [Assessments of the October Revolution in the Official Discourse of Memory Politics]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730

13. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). Politika istoricheskoy pamyati

i Velikaya Otechestvennaya voyna [Politics of Historical Memory and the Great Patriotic War]. *Eurasian journal of region and political researches*, 1(17), 34–39.

14. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdyi kak mediatehnologiya politiki postpamyati [Post-Truth Discourse as a Media Technology of the Politics of Postmemory]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

15. Schrøder, K.C. (2000). Making sense of audience discourses: towards a multidimensional model of mass media reception. *European Journal of Cultural Studies*, 3(2), 233–258.

16. Shtop-Rutkowska, K. (2015). Kiberpamyat, ili o chemmyi ne pomnim v seti. Analizlokalnoypamyati: Belostok I Lyublin [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Belostok and Lublin]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, 130–139.

17. Sikevich, Z. V. (2016). Dinamika "obraza" proshlogo I nastoyashego v predstavleniyah peterburzhtsev [Dynamics of the "image" of the past and present in the representations of Petersburgers]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 88–97.

18. Somov, A. V. (2015). Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turnyj aspekt [Phenomenon of Sovietism: Historical and Cultural Aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 12–20.